

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии исторического факультета Львовского национального университета имени Ивана Франко (79000, Львов, ул. Университетская, 1)

NATALIA KOVALISKO,

Doctor of Sciences in Sociology, Professor at the Department of Sociology, Faculty of History, Ivan Franko National University of Lviv (1, Universytetska St., Lviv, 79000)
kovalisko@mail.lviv.ua
<https://orcid.org/0000-0002-1466-6132>

СЕРГЕЙ МАКЕЕВ,

доктор социологических наук, заведующий отделом социальных структур Института социологии НАН Украины (01021, Киев, ул. Шелковичная, 12)

SERHII MAKEIEV,

Doctor of Sciences in Sociology, Head of the Department of Social Structures, Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Ukraine (12, Shovkovychna St., Kyiv, 01021)
smakeev950@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-4418-8741>

Поколение в историко-социологической перспективе

Уже и не установить, насколько древен ставший обыкновением навык пристально и вопрошающе присматриваться к каждому новому поколению. Хотя его истоков не сыскать, но за ним явственны любопытство и тревога: каково оно, чего ожидать от него, надеяться ли на него или же опасаться? Начало же систематическому изучению было положено в 1928 году работой К. Маннгейма «Проблема поколений» [Mannheim, 1952]. Для него поколение — не более чем интеллектуальный инструмент объяснения и описания социального прогресса — той общей идеи, которая волновала историков, философов, экономистов позапрошлого и прошлого веков. Бесспорна культурологическая направленность вводимых в эссе К. Маннгейма определений поколения: такую общность с периодичностью в 30 лет конституируют социализация, опыт, события, память, «дух времени».

Цитирование: Ковалиско, Н., Макеев, С. (2021). Поколение в историко-социологической перспективе. *Социология: теория, методы, маркетинг*, 3, 5–20. <https://doi.org/10.15407/sociology2021.03.005>

Однако в XXI веке идея прогресса практически забыта. В ходу и на слуху иные определения позднего модерна и финансового капитализма (риск, неопределенность), представленные в работах З. Баумана, У. Бека, Э. Гидденса, Л. Болтански и Э. Кьяпелло. Кроме того, в первые два десятилетия текущего столетия ритм смены поколений заметно участился, практически совпав с ритмом технологических изменений. Применительно к поколению теперь превалируют технологические определения: интернет-поколение, зумеры, «молчаливое поколение»; имена новым поколениям присваиваются в соответствии с инновациями из сферы информационных коммуникаций, обобщенно — тех-поколение [Brooks, Lasser, 2018]. Или даже еще более радикально — «рожденные быть цифровыми» («born digital») [Palfrey, Gasser, 2008]. Вдобавок авторы, в стремлении понять погрузившееся в гаджеты и сетевые коммуникации поколение, удерживают в поле зрения преимущественно отличия, особенность, непохожесть, намеренно или инстинктивно отвлекаясь от разрывов и конфликтов — сюжетов, традиционно предпочитаемых критически ориентированными обществоведами. И, что не менее выразительно, — предельно умерив когнитивные притязания. Чтобы никто не заподозрил, будто они намерены объяснять эволюцию обществ в целом характеристиками конкретного поколения.

Даже кратчайший перечень соответствующей литературы и иллюстративен, и убедителен в подтверждение сказанного. Никак не обойти не очень жалюемые в собственно социологических публикациях книги У. Штрауса и Н. Хоу [Strauss, 1991, 1997, 2000]. Они непомерно, на наш вкус, популярны среди практикующих психологов и консультантов по подбору персонала, уверенно распознающих характеристики «поколений X, Y, Z» в живых людях. В близких социологии работах чаще всего анализируются причины и возможные социальные импликации все увеличивающегося населения социальных сетей, которое разведывает там ресурсы идентификации и утверждает следы собственного присутствия [Gardner, Davis, 2013]. Также здесь изучаются особенности поведения первых покупателей и активных пользователей новейших инструментов, обеспечивающих присутствие и мобильность во все более обретающем значимость виртуальном мире, их восприятия обыденного и виртуального мира и себя в нем [Seemiller, Grace, 2019].

В этом же ряду широкое полотно сочувственного повествования о так называемых миллениалах в России — поколения, родившемся в 1980-х годах, на рубеже веков [Радаев, 2019]. Или построенное на многочисленных интервью описание отличий в мировосприятии и мировидении между родителями и детьми, которые, полагает К. Джерсон, обуславливаются никогда не заканчивающейся революцией [Gerson, 2010]. Нет, вовсе не случайно рубеж веков и тем более тысячелетий издавна возбуждает как благотворные, так и губительно-катастрофические ожидания. Оттого и столь обширны библиографии названных книг, хотя не сказать, что они исчерпывающи. Но нет недостатка и в критико-скептическом взгляде на вступающие в жизнь поколения. Г. Лукианофф и Д. Хайдт рассказывают о трех ложных идеях, господствующих, по их наблюдениям, в университетских кампусах и, следовательно, транслируемых на молодежь. Прежде всего хрупкость: то, что вас не убивает делает слабее; далее — эмоциональная аргументация: всегда доверяй своим чувствам; наконец — Мы и Они: жизнь есть поле брани между добрыми и злыми человеками [Lukianoff, Haidt, 2018]. Д.М. Твенге в недав-

но переведенной на русский язык книге 2017 года [Твенге, 2019] говорит о неготовности интернет-поколения ко взрослой жизни, полагая, видимо, что их уклон в самоизоляция несомненно удостоверяет инфантилизм и стремление остаться в детстве — ситуации без ответственности и с минимумом обязанностей.

Совсем рядом огромный массив публикаций с изложением результатов эмпирических обследований условий жизни, установок, ценностей, приемов адаптации к меняющимся обстоятельствам мигрантов и переселенцев в первом или втором поколении. Поколение здесь — это все приехавшие в данную страну, невзирая на отличия в уровне образования и квалификации, а также их разновозрастные дети. Прецедент прибытия приписывает им соответствующий статус. Для поверхностного ознакомления с литературой достаточно открыть статью «*Immigrant generation*» в английской Википедии.

Параллельно с мейнстримом в качестве побочного, едва ли не крайнего течения бытует историко-социологический нарратив о поколении, относящийся к рубрике «социальная история» предмет нашего дальнейшего рассмотрения. Его основные черты проследим на примере исследования Р. Воля о поколении 1914 года [Wohl, 1979], работы Г. Элдера о детях Великой депрессии в США [Elder, 1999], а также монографии Д. Эпплби о первом поколении американцев [Appleby, 2000]. В обществоведческих дисциплинах правило, требующее указывать теоретико-методологические основания проведенного исследования и изложения материала, соблюдается не строго. Но авторы во всех трех случаях выносят в заглавие работ События (война, депрессия, революция), заведомо уведомляя об особой их значимости в учреждении феномена поколения.

Роберт Воль «Поколение 1914 года»¹

Р. Воль начинает с утверждения, резюмирующего его концептуальную установку: поколение не рождается, оно производится, вырабатывается по неизвестно откуда берущимся шаблонам и лекалам. Множественная неоднородность жизненных ситуаций, экономических, социально-политических, культурных особенностей, идеалов, образов, индивидуальных стремлений и желаний, неподатливость институциональных структур или же их отсутствие — такова нередуцируемая сложность мира людей, формирующая ровесников в неоднородные агрегации и расщепляющая их на отличающиеся сегменты. Так создается плюральность миров, населенных индивидами с несовпадающими опытом и аспирациями. Никаким усилием не избавиться от впечатления, что те, кто отваживается именовать себя поколением, не просто заявляют о своем появлении в обществе и притязании на особенную если не миссию, то роль, но уверены в незавершенности мира, тогда как они сами есть недостающий и совершенно необходимый для полноты картины фрагмент.

И чем же мы располагаем, для того, чтобы реконструировать историю поколения в форме, которая не утратила бы черт и следов достоверности? История понятия обсуждается в заключительной главе книги и связывается с убыстрением исторического процесса, урбанизацией, индустриализацией, технологическими инновациями [Wohl, 1979: pp. 203–207]. Но единственный выход, утверждает

1 Robert Wohl (1979) «The Generation of 1914».

Р. Воль на первых страницах книги, — попытаться узнать, что люди, живущие в начале XX века, понимали под «поколением 1914». В каких контекстах употребляется такой образ, к каким группам применяется, при каких условиях оказывается обязательным, какие изменения в употреблении происходят, какие интересы и какая политика за таким употреблением угадывается, — в общем, что современники говорили и думали о поколении 1914 года [Wohl, 1979: pp. 1–2].

Не без влияния К. Маннгейма, следует полагать, конститутивная черта поколения усматривается в его (поколения) сознании, в некоей сумме представлений о себе в конкретных обстоятельствах. Носителями и выразителями таких представлений являются люди литературно образованные, владеющие письменным и устным словом — интеллектуальная элита. Романы, поэмы, философские эссе, социологические трактаты, лекции профессоров, пресса, дневники, воспоминания, речи политиков, опубликованные и произнесенные в 1910–1933 годах, то есть под влиянием Первой мировой войны, становятся тогда предметом исторического анализа.

Так случилось, что в первом десятилетии XX века тема поколений (сознания поколений, молодежных ассоциаций и организаций, общей судьбы) активно обсуждалась во Франции, Германии, Англии, Испании и Италии — это общеевропейское движение. Ф. Ментре, К. Маннгейм, Х. Ортега-и-Гассет, А. Грамши почти независимо друг от друга теоретически обосновывали возможность и релевантность осмысления движения истории не в терминах дохода, статуса, интересов, но в терминах возраста, сознания, опыта, систем референции и способов идентификации. К. Маннгейм холодно и всего несколько раз ссылается на Ф. Ментре. А Х. Ортега-и-Гассет, похоже, вообще не знал их работ [Wohl, 1979: p. 154].

Р. Воль начинает с Франции, именно там в газетах и журнальных публикациях азартно, с пристрастием обсуждают статью «Молодежь сегодняшнего дня», в основе которой проведенный одной из газет опрос 18–25-летних юношей и девушек. В ней поколение «аэропланов, автомобилей и футбола», деятельное, амбициозное, национально ориентированное противопоставляется космополитическому, оглядывающемуся на прошлое, приверженному обесценившимся устремлениям и идеалам поколению 1885 года, поколению престарелых профессоров Сорбонны. Между тем как изменившаяся жизнь, новые скорости и технические средства, увлечения и потребности требует более совершенных навыков и быстроты реакции, присущих «новому поколению». Сделать то, что никем еще не делалось, сказать то, что никем не произносилось, то есть притязать на решительное обновление — что может быть естественнее для амбициозной молодежи, ничем кроме плана грядущих свершений и надежд на их реализацию не обладающей.

Высказывания и формулировки писателей, публицистов, политиков, национальных экспертов-социологов суммируются и сопоставляются Р. Волем. Во Франции в 1920 году Ф. Ментре издает книгу «Социальное поколение» (*Les Generations sociale*), задуманную еще до войны и посвященную «новым молодым». Социальное поколение, наставляет читателей автор, следует определять исключительно в терминах убеждения и желания, моральных принципов, духовной общности, новых способов чувствовать и понимать жизнь и мир, оригинальной духовной среды. Оно конструируется, дифференцируется, стратифицируется внешними силами, влияниями и обстоятельствами.

А если так, то внешний наблюдатель поневоле будет «элитистом», ведь образцы чувствования оставляют очень немногие, голоса большинства в хоре современников не слышны. Потому единственным носителем и хранителем традиционных и трансформированных моделей восприятия, оценивания, высказывания — тут Ф. Ментре категоричен — была и остается беллетристика, высокая и массовая литература. Поскольку же он был философом позитивистского толка — так его представляет Р. Воль — то книга его не социологична в современном понимании, то есть не предполагает эмпирического количественного или качественного обследования. Скорее это методология работы историка и теоретически ориентированного социолога, для которых поколение представляет собой, по словам Ф. Ментре «неплохую рабочую гипотезу» и, одновременно, принцип объяснения исторической динамики, путеводная нить в хаосе фактов и шуме времени. Несмотря на критичное восприятие работы французского историка, автор книги о поколении 1914 года фактически признает неизбежность обращения к материалам, оставленным самыми образованными, наделенными творческими способностями представителями молодежи.

Р. Воль, воспользовавшись указанием К. Маннгейма на значимость в социальном самоопределении молодежи «новых контактов», выделяет принципиальное обстоятельство: социально-демографическое определение поколения (участвовавший ритм истории + возраст) существенно корректируется Событием — Первой мировой войной. В нее вовлечены люди разного возраста, имущественного ценза, образования, социального положения, и потому поколение не рождается, оно конструируется из разных фракций и сегментов, каждый из которых может рассматриваться в качестве отдельного поколения [Wohl, 1979: pp. 209–210]. Принадлежащие к таким фракциям чаще всего захвачены общими чувствами и настроениями — патриотизм, готовность к самопожертвованию, переживание единства («мы») и солидаризация/идентификация с анонимными или молчаливыми «другими», выражаемые в стихах, прозе, публицистике.

Однако недостаточно сказать, что Событие-Война объединяет. Ведь его эффекты обнаруживаются и опознаются не сразу, не вмиг. Событие-война наделяет чем-то *большим* — судьбой: приносит славу, бесчестит, оставляет «вечно молодым», делает инвалидом, превращает в ветерана, сокрушает ценностные и смысловые ориентиры, закрывает привлекательные ранее возможности, предоставляет доступ к новым жизненным шансам или выводит их за горизонт достижимости.

Вместе с тем, время события и время, отодвигающее событие в прошлое, оказываются периодом селекции и переосмысления. Инстинктивный или осознанный выход индивидов из-под власти События запускает метаморфоз обстоятельств и дел, прежде признаваемых «своими», в нечто иное. Диапазон широк: пора не подвигов и признания заслуг, но беспощадного насилия, унижения и забвения с набором промежуточных смешанных состояний. Все настойчивее звучат, все большим количеством людей разделяются такие оценки поколения, как «потерянное», «принесенное в жертву». Они, вероятно, производны от разочарования в том, что ожидание лучшей и достойной жизни после стольких жертв и перенесенных ужасов не оправдывается, социальное будто обрело новые ресурсы неподатливости, устояв перед пленительными упованиями, надеждами, планами. Война лишь на краткий период приглушает разноголосицу

мнений и оценок эрудированных современников, представленную на страницах книги Р. Воля и указывающую на несовместимость времен, которые проживают разные фракции современников.

Разрушительно-опустошительные итоги войны касаются всей ноосферы, всех продуктов разумной деятельности людей. Распадаются поколения, впустую растрачиваются самые возвышенные побуждения действовать. Не обходится без того что те, кто на определенном этапе жизни объявлял себя принадлежащими к особой общности образа мысли и стиля существования, радикально расходятся в оценках тенденций и последствий происходящего. Отчуждение от себя прежнего — не такое уж редкое явление среди писателей и поэтов, присутствие в поколении скоротечно, вероятность выхода из него, отвержения прежней идентичности не исключительна. Хуже того, поколение, призванное модернизировать страну — к чему, например, столь страстно и убедительно призывал испанских сверстников на третьем десятке своей жизни Х. Ортега-и-Гассет в статьях и лекциях до 1914 года — не исполняет своего предназначения. Не ясно, впрочем, существуют ли «не потерянные поколения», осуществившие только воображаемое потаенное или агрессивно декларируемое сокровенное.

Таковы фатальные издержки или, напротив, неожиданно-счастливые обречения «элитистского подхода» к наблюдению за поколениями в книге Р. Воля на литературном, преимущественно, материале.

Глен Х. Элдер, мл. «Дети Великой депрессии»¹

Книга впервые была издана в 1974 году, а через 25 лет автор дополнил ее еще одной главой, в которой обобщил свои многолетние исследования «жизненного пути» (life course) [Elder, 1999]. Соответствующие теория и эмпирические разыскания, небезосновательно претендуя на самостоятельность и представленные большим массивом концептуальных разработок и обобщенной информацией проведенных наблюдений [Shanahan, Mortimer, Johnson, 2016; Elder, Giele, 2009], остаются в рамках «проблемы поколений», как ее формулировал К. Маннгейм. Хотя жизненный путь предполагает большую длительность и трудоемкость слежения за событиями и их влиянием на судьбы, количество не только социологических, но психологических и биомедицинских публикаций непрерывно возрастает [Shanahan, Mortimer, Johnson, 2016: pp. 2–3].

В начале 30-х годов прошлого века в Окленде, штат Калифорния, были инициированы работы по выявлению и описанию опыта взросления в кризисной ситуации (Великой депрессии). У когорты американцев, родившихся в 1920–1921 годах (167 мальчиков и девочек), фиксировались социальные и психологические характеристики, начиная с младших классов и до окончания средней школы, а также статус их родителей и взаимоотношения в семье. Опросы повторялись в 1940–1950-е годы, а в последнем, в начале 1960-х участвовали 145: лонгитюдная когорта была сохранена. Задача вторичной обработки Г. Элдером материала состояла в выявлении эффектов такого грандиозного события, как Великая депрессия (ВД), сказавшихся на важнейших в жизни человека выборах — профессии, образования, семьи, места жительства, времени появления детей.

¹ Glen H. Elder, Jr. (1999) «Children of the Great Depression: Social Change of Life Experience». (5416 цитирований в марте 2021 года согласно Google Scholar).

Явление это, правда, не было тотальным, и по самым осторожным оценкам им было «захвачено» не более 50% американцев. Не тотальные события являются правилом в мире людей, всегда находятся те, кто пребывает вне локализованного радиуса негативно-травматического воздействия событий. Тем не менее, они настойчиво напоминают, сколь небольшое в действительности находится под контролем каждого индивида и сколь хрупким оно является. Учиняемое ими насилие и неопределенность вынуждают к выбору: адаптироваться к предлагаемым условиям, уклониться от требований и призывов адаптации, необратимо маргинализуясь, либо перемещаться (социальная мобильность, миграция) к более урегулированным состояниям и ситуациям.

Экономическая депривация, потеря работы или значительное сокращение источников дохода были главным следствием ВД, требовавшим адаптационных реакций от всей семьи. Г. Элдер подробно рассматривает такие реакции в трех аналитически выделенных областях. Естественное сокращение потребления и осторожная трата накоплений, поиск помощи у родственников, знакомых, заявки на государственные субсидии сопровождалась изменением в *разделении труда в семье*. Девочки вовлекались в домашние заботы, мальчики искали подработки, а многие матери вынуждены были трудоустроиться. Отец, особенно безработный, утрачивал профессиональный статус, престиж, авторитет, возрастала социальная и экономическая значимость матери, менее жестким становился контроль за поведением детей, повышалась ценность экономической безопасности: складывалась новая структура *отношений в семье*. Семьи, кроме того, отличались *адаптивным потенциалом*: чем более высоким был статус семьи, тем легче родители и дети приспосабливались к неблагоприятным условиям повседневной жизни, тем более высокие притязания и амбициозные мотивации культивировали [Elder, 1999: pp. 277–297].

Пятую, добавленную в 1999 году главу Г. Элдер открывает напоминанием о часто цитируемом в книге Ч. Миллза «Социологическое воображение» пожелании поведенческим наукам заняться изучением биографий в контексте истории, их пересечения в рамках социальной структуры. А далее перечисляет те принципы, которые направляют исследование жизненного пути и которым следовал он сам сначала в анализе перипетий судьбы детей ВД, а потом и в рассказе о них. Принципов всего четыре и они таковы [Elder, 1999: pp. 304–308].

Во-первых, *принцип исторического времени и места*. Биографические петли, скрещения, замедления и ускорения вершатся событиями в параметрах локального порядка, подлежащих взвешенному и внимательному рассмотрению. Порой разницы в несколько лет или проживания в определенном регионе, городе или сельской местности вполне достаточно для того, чтобы период стресса, нестабильности, депривации не захватил отдельные возрастные группы. Грандиозное Событие будто пройдет мимо них, разделив якобы общее пространство на два отличающихся жизненных мира, что становится очевидным при сравнении когорт разного возраста. Или, по-другому, нарратив о событии не предполагает абсолютной точки зрения, течением жизни наблюдатель относится и в «иное время», и в «иное место».

Во-вторых, *принцип синхронизации жизни*. Совпадение времени наступления исторического События с определенным этапом индивидуального жизненного цикла предопределяет судьбу (война и достижение призывного возраста,

скажем). Такое совпадение приводит к тому, что у «фронтовиков» и «не воевавших», родившихся с интервалом в несколько лет, в разном возрасте происходят важнейшие экзистенциальные события, их линии жизни расходятся. Имеются в виду и раннее устройство на оплачиваемую работу, и завершение образования, и завязывание романтических отношений, и женитьба/замужество, и рождение детей, и раздельное проживание с родителями. Иначе говоря, события большого калибра (События) приближают или отодвигают сроки наступления индивидуальных событий.

В-третьих, *принцип взаимосвязи жизней*. Великая депрессия была сильнейшим потрясением для семейного порядка и уклада, выразившимся в новой структуре семейных ролей, материальной депривации, стрессах, ссорах, болезнях, психологических патологиях, алкоголизме, суицидах, разводах. Причем нестабильность и нестойкость семейных отношений часто транслируются на новые поколения, фактически или только в виде рисков воспроизводятся в них. Исследователь всерьез обязан считаться с возможностью того, что наследуются, перенимаются, неожиданно или в силу внезапно возникшей потребности активируются не только эффективные адаптационные компетенции, но и дезадаптивные навыки, генерирующие хаос в совместном существовании.

В-четвертых, *принцип индивидуальной агентности*. Каким бы грандиозным ни было Событие, всегда остается некое пространство возможностей и ограничений, доступное для инициативных индивидуальных или коллективных действий и восприимчивое к ним. Личная энергия и личное время оказываются едва ли не единственными ресурсами, оказывающимися в распоряжении родителей и их взрослеющих детей. Переезд в более дешевое жилье, поиски альтернативных источников дохода, практики самообеспечения некоторыми продуктами питания — всего лишь некоторые формы предприимчивости и активности с целью противостоять неблагоприятным обстоятельствам. Фактически — тому миру, который утратил стабильность, поддерживаемую силами, которые, как обнаружилось, находятся за пределами контроля властей разного уровня, а тем более семей.

Р. Воль в книге о поколении-1914 не забывал сказать о социальном происхождении писателей, поэтов, социологов, политиков, философов. Но лишь мельком, потому книга Воля скорее исторична, чем социологична. Тогда как Г. Элдер пытался проследить влияние семьи в терминах социального класса (средний класс, рабочий класс) на жизненный путь детей Великой депрессии. Хотя наблюдение за судьбой 167 индивидов не позволяет формулировать универсальные высказывания, тем не менее по существу выявленных тенденций и приемов их интерпретации книга преимущественно социологична.

Джойс Олдхэм Эпплби «Наследуя революцию: первое поколение американцев»¹

Статья в «New York Times» от 6 января 2017 года с сообщением о смерти одной из самых компетентных исследовательниц ранней истории США, много лет возглавлявшей профессиональную ассоциацию своих коллег, называлась так:

1 Joyce Oldham Appleby (2000) «Inheriting Revolution: the First Generation of Americans».

«Джойс Эпплби, исследовательница капитализма и американской идентичности, умерла в возрасте 87 лет».

Именно становлению идентичности поколения, родившегося в период между 1776 и 1800 годами и вплоть до 1830 года, когда самым младшим в когорте было 30 лет, посвящена одна из ее многочисленных книг [Appleby, 2000]. Она о тех, кто не совершал революцию, а принимал, утверждал действием те идеалы и ценности, которые формировали американский капитализм как экономическое явление, но и, не в меньшей степени, как явление культурное. Без такой «работы» поколения он (капитализм) мог бы и не состояться. Как отмечал один из критиков, отсылая к названию книги, это поколение не заработало революции, оно получило ее в наследство от родителей. От тех, кто заплатил довольно высокую цену за Независимость: война, неопределенность, экономическая депрессия [Appleby, 2000: р. 56]. Однако новый мир должен был взростеть/становиться вместе, тут неизбежна некоторая доля условности, с «ровесниками американской независимости».

Миссия поколения состояла не менее чем в продумывании и уточнении значения Американской революции, в установлении социальных форм новой нации; так это видится историку из будущего и не виделось, разумеется, представителям поколения. Заимствованные у Просвещения, напоминая сказку идеалы и мечты образованных родителей о расставании с колониальным прошлым и утверждении свободы и демократии предстояло материализовать в нечто принципиально иное. В образцы упорного и квалифицированного трудового поведения, в стандарты коммуникации и сотрудничества в рамках разнообразных сообществ, в модели компромиссного сочетания прав и свобод с экономикой индивидуального предпринимательства, наконец — в городскую Америку. То есть фактически с чистого листа, заново, учредить национальную культуру/идентичность в виде целей, предприимчивых героев, табу, предписаний, символов, праздников [Appleby, 2000: р. 5].

Методический прием, к которому прибегает специалист по социальной истории, пишущий такую книгу, вовсе не секрет. Поскольку сегодня мы знаем, как выглядят доминантные черты американской культуры, постольку в прошлом нам необходимо найти источники, содержащие похожую информацию. Для Дж. Эпплби таким источником стали 200 автобиографий успешных белых граждан США, строителей бизнеса и городов, изобретателей, организаторов социальных движений и ассоциаций, издателей, миссионеров, публицистов. Понадобилось принять — безусловно, сознательно и вынужденно — упрощение, которое избыточно, но и простительно в одно и то же время. Избыточно, ведь за горизонтом наблюдения остался основной массив тогдашнего общества: рабы, рабовладельцы, правящая политическая элита, коренное население североамериканского континента, безымянное и «молчаливое» сельское население. Простительно, так как в контексте тысяч иных документов эпохи — писем, дневников, отчетов о путешествиях, публикаций в газетах — обнаруживались и фиксировались нюансы и точки роста культуры будущего, которой не сразу, постепенно надлежало стать господствующей.

Ненамеренным следствием социальной мобильности и открывшихся возможностей профессиональной и жизненной самореализации в независимой Америке стала культурная, экономическая и политическая дифференциация

Севера и Юга. Само время текло здесь в разном темпе. Быть энергичным, восприимчивым к инновациям, общительным, опирающимся на собственные силы, без опаски выражающим свое мнение — вот что для северян значило быть американцем. Перед лицом тех же вызовов, генерируемых Независимостью, Юг становился все более консервативным, воспроизводя традиционные порядки распределения власти и хозяйственные уклады, неизменные аспирации, установки, образ жизни, образцы поведения. Белые граждане на Юге, чувствуя и выражая свою особенность, все чаще приходили к мысли, что участвуют в строительстве не одной, а двух разных стран [Appleby, 2000: pp. 22–23].

Революция, согласно высказыванию некоего ее современника в 1789 году, возвела крышу сооружения, именуемого Соединенными Штатами, грядущим поколениям оставив работу подведения под нее стен и благоустройства комнат [Appleby, 2000: p. 25]. Книга Дж. Эпплби о семи краеугольных (экзистенциальных конструктах), над которыми славно потрудились первое поколение американцев. Они поименованы и подробно представлены в семи главах. Вторая по счету (вслед за Введением под № 1) названа «*Реагируя на революционную традицию*» и повествует о постепенном утверждении демократичной политики в государстве, об ответственности власти перед избирателями, о разделении властей, участии рядовых граждан в политике. О праве избирать и быть избранным, об ограничении влияния государства, церкви, семьи на частную жизнь, о свободе выражать мнение и объединяться в группы, союзы, партии, то есть об ослаблении внешних сил, препятствующих возможно полному управлению человеком своей жизнью [Appleby, 2000: pp. 26–55].

Предприимчивость — об искусстве, не сказать же «о науке» — не адаптироваться, но создавать новые шансы и возможности, не довольствоваться малым, устремляться, побуждать себя к энергичному поиску и движению, искать и находить занятие по уму и сердцу, напряженно трудиться, придумывать прежде неведомое. Но также о создании эффективных экономических институтов, поддерживающих и генерирующих бизнес любых размеров, создающих рабочие места с достойной оплатой прилагаемых усилий. И формирующих новый средний класс [Appleby, 2000: pp. 56–89].

Карьера — об устройении сложно организованного (дифференцированного и стратифицированного) социального пространства существования нации. С передовой промышленностью и интенсивным сельским хозяйством, развитой структурой коммунальных служб, инфраструктурой в виде сети железных и обычных дорог, почтовых отделений, с разнообразными рынками занятости. С иерархией институтов образования, с ежедневной и периодической прессой, с издательствами, с наукой и искусством. Первым поколением американцев такое социальное пространство создается и оно же предоставляет шансы на экономический и политический успех, на продвижение, на карьеру. Карьерой стали называть постоянный прогресс мужчин (женщины в большинстве оставались домохозяйками) в их делах, придав новое значение слову из лексикона любителей коней и скачек [Appleby, 2000: pp. 90–128].

Отличия — складывалась новая социальная структура населения, постепенно изживались присущие колониальному периоду представления о «правильном» делении людей на знать и чернь, сопутствующих им статусах, рангах, табу, стигмах, предубеждениях. В прессе, журналах, романах, письмах развора-

чивается дискурс о социальных различиях, свойственных обществу либеральной демократии с рыночной экономикой. Знатность, происхождение, ранг в какой-либо иерархии, привилегии, наследство в качестве критериев оценки человека, равно как и несходств между людьми, постепенно вытеснялись. Талант, призвание, вкус, амбиции, умения, знания, заслуги утверждались в статусе приемлемых социальных маркеров, мер справедливости, отдаваемых кому бы то ни было. Разрастался, становясь все более неоднородным средний класс, класс предпринимателей в городах, собственников земли в сельской местности, священников, учителей, врачей. Не подчеркивание отличий церемониями, этикетом, обращением, но демонстрация всего возможного в конкретной ситуации равенства входила в обиход [Appleby, 2000: pp. 129–160].

Три заключительные главы книги завершают анализ изменений, субъектом и объектом которых было первое поколение независимой Америки. *Интимные отношения* — о становлении теплых и устойчивых эмоциональных связей между родителями и детьми, между супругами, близкими родственниками, друзьями, мужчинами и женщинами. О том, что не наблюдалось прежде: о росте значимости семьи, социальном институте, который становится едва ли не первостепенным объектом заботы и ответственности [Appleby, 2000: pp. 161–193].

Реформы — о культивировании навыков совместного существования. Американцы увлеченно и с энтузиазмом объединяются в сообщества любителей пения, книги, трезвого образа жизни, взаимопомощи, отправляются в просветительские и образовательные миссии, консолидируются вокруг церквей и соблюдают религиозные обряды. Это те разнообразные формы коллективности, которые не подавляют индивидуальность, но являются пространством самореализации и самосовершенствования во внеэкономической сфере, позволяющим инициативным усилием творить плюральность/многомерность собственной жизни. В повседневной жизни утверждается принципиальность разделения частной и публичной сфер, ценностей образования, знания, автономии, совместного труда, дисциплины, благочестия [Appleby, 2000: pp. 194–238].

Новая национальная идентичность — об осознании поколением себя «первым американским». Это происходило посредством участия в значимых событиях, в уяснении и понимании дистанции от того, что было прежде, даже от образа жизни своих родителей, в процессе выстраивания индивидуальной истории успеха и социальной мобильности. Идентичность оказывается тем, что постепенно, преодолевая инерцию прошлого и сопротивление настоящего, надстраивается над классовыми, статусными, профессиональными, религиозными различиями, противоречащими друг другу представлениями о том, как все в жизни должно быть устроено. И лишь спустя время, применительно к обстоятельствам, нивелирует их, возбуждая ощущение гомогенной общности, демонстрируемое в уместных случаях. Предвосхищаемое равенство укорененности в отвоеванной и возводимой их напряжением и старанием стране — вот чем была национальная идентичность «первых американцев» [Appleby, 2000: pp. 239–268].

Выводы

Две разновидности историко-социологического анализа поколения доминируют, наверное, в массиве современной литературы предмета. Первый пред-

ставлен исследованиями «поколения-1914» Р. Воля и «первого американского поколения» Дж. Эпплби. В его фокусе осознание индивидами опыта жизни в предложенных обстоятельствах истории и места действия. Событие — Война и Революция — конструирует поколение, параллельно отмежевывая от тех, «кого там не было». Возрастные границы «поколения» или не оговариваются вовсе или настолько широки, что впрямую говорить о разных поколениях. У Дж. Эпплби между старшими и младшими в поколении разница в 24 года. Столь широкий диапазон явно вынужденный, ведь для того, чтобы составить автобиографию и стать субъектом такого нарратива, надо прожить достаточно долго — чтобы самостоятельно подводить итоги или чтобы младшие современники могли сделать это. А в первой половине XIX века мемуаристы еще немногочисленны. Иначе говоря, качество и количество документальных источников также определяют то, кого исследователь зачислит в поколение.

Вторая разновидность репрезентирована лонгитюдом «дети Великой депрессии» Г. Элдера в концептуальной и методической традиции изучения «жизненного пути». Здесь поколение также конструируется Событием и сводится, фактически, к возрастной когорте 1920–1921 годов рождения. Данная разновидность скорее социолого-историческая — еще и потому, что в традиции присутствуют и имеют значение принципы и правила процесса социализации, наиболее полно разработанные именно в нашей дисциплине.

Один из самых известных проектов такого свойства сегодня тот, что ныне выполняется Центром лонгитюдных исследований Университета Лондона — Исследование поколения миллениалов (Millennium Cohort Study). Почти 19 тысяч опрашиваемых детей, родившихся между сентябрем 2000 и январем 2002 года, а также их родителей. Семь волн, последняя из которых была в 2018 году, когда «детям нового столетия» было 17 лет, а первое интервью — с матерями детей в возрасте 9 месяцев. В онлайн-библиотеке проекта более 5 тысяч публикаций на материалах данного и предыдущих когортных исследований Центра, среди них — и в главном социологическом журнале королевства [Cooper, 2021]. В Европе по инициативе экономической комиссии ООН для Европы поддерживается проект «Программа поколений и гендера» (The Generations & Gender Programme). Первый опрос проведен в 2004 году (20 европейских стран и 4 неевропейских), последний намечался на 2020-й год и письма подтверждения участия были получены организаторами от 25 стран. Из постсоветских стран участниками Программы являются Беларусь, Грузия, Казахстан, Молдова, Россия. На сайте Программы размещены условия доступа к эмпирическим данным и библиография публикаций, а также перечислены некоторые национальные проекты исследования поколений. На апрель 2021 года нет сообщений о ходе выполнения очередного этапа, запланированного на 2020 год. Новое грандиозное событие — COVID-19 — скорректировало, похоже, планы исследователей. Если не приостановило их вовсе.

Все три реферируемые книги содержат два важных сообщения о людях XIX и XX столетий. Прежде всего будущее видится им таким, которое поддается их энергичным усилиям — пластичным. Или, по-другому, наши проекты реализуемы, социальные обстоятельства вполне выстраиваемы по планируемым ценностным конфигурациям и этическим параметрам. Но по мере взросления, перехода к среднему и пожилому возрасту в контексте грандиозных Событий и после них

индивидуальная и групповая (поколение) значимость будущего непреодолимо убывает, а идеалы и ожидания юности чаще всего так и остаются в сфере возможного, поощряя разговор о «потерянном поколении». Так ли все происходит с генерацией, родившейся в XXI веке, должны показать лонгитюдные проекты.

Однако сейчас ситуация с будущим заметно иная. Ни интеллектуалы, ни политики уже не предвидят и не предвещают ничего хорошего: мир и дальше обещает быть стремительно меняющимся, неопределенным, полным рисков и несправедливости. Идея *прогресса* в виде накапливающегося блага для всех дискредитирована прошлым веком и отправлена в неизвлекаемые запасники истории. Ее заменила *неопределенность* — признание невозможности сколько-нибудь вразумительной калькуляции/провидения будущих вероятностей событий, действий, состояний. Оттого в современных публикациях, основанных на опросах и выводах из них, сосуществуют мало отличающиеся сценарии.

В более оптимистическом сценарии новое поколение примет доминирование информационных технологий и будет чувствовать себя комфортно в двоящемся мире — реальном и виртуальном. В менее оптимистическом — миллениалы массово будут равнодушны к более совершенному, предназначенному для всех будущему, предмету упований уходящего с исторической сцены поколения «бумеров» (родившихся после Второй мировой), оставаясь чувствительными только к локально-собственному настоящему. Тому навязчиво вещественному настоящему, в котором помимо ненадежности, недостоверности, угроз, опасностей, не лучших предчувствий, неизживаемого неравенства, дефицита доверия все же оставлено место заманчивым шансам и возможностям с призывами/соблазнами воспользоваться ими. А вот местом утверждения личностной идентичности и принадлежности — избирать мир социальных сетей и коммуникационных гаджетов.

Безразличие к прошлому стран и народов, инновационно или подражательно культивируемый презентизм и слабый интерес к общему будущему (оно «закрывается») обуславливают, стоит полагать, самую общую социальную установку поколения ровесников текущего века. Дополненная виртуальностью повседневность собственной структурностью предопределил новые разделения и стратификации.

Источники

Радаев, В. (2019). *Миллениалы: Как меняется российское общество*. Москва: Высшая школа экономики.

Твенге, М.Д. (2019). *Поколение I. Почему поколение Интернета утратило бунтарский дух, стало более толерантным, менее счастливым и абсолютно неготовым ко взрослой жизни — и что это значит для всех остальных*. Москва, РИПОЛ классик.

Appleby, J. O. (2000). *Inheriting Revolution: the First Generation of Americans*. Cambridge, Massachusetts, London, England, the Belknap Press of Harvard University Press.

Brooks, M., Lasser, J. (2018). *Tech Generation. Raising Balanced Kids in a Hyper-Connected World*. S.l.: Oxford University Press.

Cooper, K. (2021). Are Poor Parents Poor Parents? The Relationship between Poverty and Parenting among Mathers in the UK. *Sociology*, 55 (2), 349–383.

Gardner, H., Davis, R. (2013). *The App Generation: how today's youth navigate identity, intimacy, and imagination in a digital world*. New Haven, London: Yale University Press.

Gerson, K. (2010). *The Unfinished Revolution: How a New Generation is Reshaping Family, Work, and Gender in America*. S.l.: Oxford University Press.

Elder, G.H., Jr. (1999). *Children of the great depression: social change in life experience / 25th anniversary ed.* Colorado: Westview Press.

Elder, G.H., Jr., Giele, J.Z. (Eds.) (2009). *The Craft of Life Course Research*. New York: The Guilford Press.

Lukianoff, G., Haidt, J. (2018). *The Coddling of the American Mind. How Good Intentions and Bad Ideas are Setting Up a Generation For Failure*. New York: Penguin Press.

Mannheim, K. (1952). The Problem of Generation. In: *Essays on the Sociology of Knowledge* (pp. 276–322). Oxford University Press.

Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.

Shanahan, M.J., Mortimer, J., Johnson, M.K. (Eds.) (2016). *Handbook of the Life Course: Volume II*. S.l.: Springer Science + Business Media.

Seemiller, C., Grace, M. (2019). *Generation Z. A Century in the Making*. London, New York: Routledge.

Strauss, W., Howe, N. (1991). *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York, London: Harper Perennial.

Strauss, W., Howe, N. (1997). *The fourth turning: An American prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. New York: Broadway Books.

Strauss, W., Howe, N. (2000). *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York: Vintage Books.

Wohl, R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Получено 14.06.2021

References

Appleby, J. O. (2000). *Inheriting Revolution: the First Generation of Americans*. Cambridge, Massachusetts, London, England, the Belknap Press of Harvard University Press.

Brooks, M., Lasser, J. (2018). *Tech Generation. Raising Balanced Kids in a Hyper-Connected World*. S.l.: Oxford University Press.

Cooper, K. (2021). Are Poor Parents Poor Parents? The Relationship between Poverty and Parenting among Mathers in the UK. *Sociology*, 55 (2), 349–383.

Gardner, H., Davis, R. (2013). *The App Generation: how today's youth navigate identity, intimacy, and imagination in a digital world*. New Haven, London: Yale University Press.

Gerson, K. (2010). *The Unfinished Revolution: How a New Generation is Reshaping Family, Work, and Gender in America*. S.l.: Oxford University Press.

Elder, G.H., Jr. (1999). *Children of the great depression: social change in life experience / 25th anniversary ed.* Colorado: Westview Press.

Elder, G.H., Jr., Giele, J.Z. (Eds.) (2009). *The Craft of Life Course Research*. New York: The Guilford Press.

Lukianoff, G., Haidt, J. (2018). *The Coddling of the American Mind. How Good Intentions and Bad Ideas are Setting Up a Generation For Failure*. New York, Penguin Press.

Mannheim, K. (1952). The Problem of Generation. In: *Essays on the Sociology of Knowledge* (pp. 276–322). Oxford University Press.

Palfrey, J., Gasser, U. (2008). *Born digital: Understanding the First Generation of Digital Natives*. New York: Basic Books.

Radaev, V. (2019). *Millennials: How Russian society is changing*. [In Russian]. Moscow: Higher School of Economics. [= Радаев 2019].

Shanahan, M.J., Mortimer, J., Johnson, M.K. (Eds.) (2016). *Handbook of the Life Course: Volume II*. S.l.: Springer Science + Business Media.

Seemiller, C., Grace, M. (2019). *Generation Z. A Century in the Making*. London, New York: Routledge.

Strauss, W., Howe, N. (1991). *Generations: The history of America's future, 1584 to 2069*. New York, London: Harper Perennial.

Strauss, W., Howe, N. (1997). *The fourth turning: An American prophecy — What the cycles of history tell us about America's next rendezvous with destiny*. New York: Broadway Books.

Strauss, W., Howe, N. (2000). *Millennials Rising: The Next Great Generation*. New York: Vintage Books.

Twenge, J.M. (2017). *iGen: Why Today's Super-Connected Kids Are Growing Up Less Rebellious, More Tolerant, Less Happy and Completely Unprepared for Adulthood — and What That Means for the Rest of Us*. [In Russian]. Moscow, RIPOЛ classic. [= Твенге 2019].

Wohl, R. (1979). *The Generation of 1914*. Cambridge, MA: Harvard University Press.

Received 14.06.2021

НАТАЛІЯ КОВАЛІСКО, СЕРГІЙ МАКЕЄВ

Покоління в історико-соціологічній перспективі

На прикладі праць Р. Воля «Покоління 1914», Д. Еплбі «Наслідуючи революцію: перше покоління американців», Г. Елдера «Діти Великої Депресії: соціальна зміна життєвого досвіду» розглядаються особливості історико-соціологічного нарративу про покоління, що відноситься до рубрики «соціальна історія». Перші дві книги побудовані на аналізі письмових джерел і репрезентують «інтелектуальну історію покоління». У монографії про дітей депресії формуються принципи лонгітюдного дослідження в концепції «життєвого шляху». У всіх трьох публікаціях покоління засновується і затверджується у відповідному статусі грандіозними Подіями: війна, революція, депресія. У фокусі уваги те нове, що має намір внести нова генерація в світоустрій і світовідчуття, то, від чого вона рішуче відмежовується і не сприймає. Як доповнення задуваються сучасні дослідження народжених на межі тисячоліть, в тому числі лонгітюдні.

Ключові слова: покоління, подія, життєвий шлях, міленіали, історія, біографія

НАТАЛИЯ КОВАЛИСКО, СЕРГЕЙ МАКЕЕВ

Поколение в историко-социологической перспективе

На примере работ Р. Воля «Поколение 1914», Д. Эпплби «Наследуя революцию: первое поколение американцев», Г. Элдера «Дети Великой Депрессии: социальное изменение жизненного опыта» рассматриваются особенности историко-социологического нарратива о поколении, относящегося к рубрике «социальная история». Первые две книги построены на анализе письменных источников и репрезентируют «интеллектуальную историю поколения». В монографии о детях депрессии формулируются принципы лонгитюдного исследования в концепции «жизненного пути». Во всех трех публикациях поколение учреждается и утверждается в соответствующем статусе грандиозными Событиями: война, революция, депрессия. В фокусе внимания то новое, что намеревается внести новая генерация в мироустройство и мироощущение, то, от чего она решительно отмежевывается и не приемлет. В качестве дополнения упоминаются современные исследования родившихся на рубеже тысячелетий, в том числе лонгитюдные.

Ключевые слова: поколение, событие, жизненный путь, миллениалы, история, биография

NATALIA KOVALISKO, SERHII MAKEIEV

Generation in history-sociological perspective

On the example of the works of R. Wohl «Generation 1914», J. Appleby «Inheriting the Revolution: The First Generation of Americans», G. Elder «Children of the Great Depression: Social Change in Life Experience» the authors examines the features of the historical and sociological narrative about the

generation, which belongs to the rubric «social history». The first two books are based on the analysis of written sources and represent the «intellectual history of a generation». The monograph on children of depression formulates the principles of longitudinal research in the concept of «life course». In all three publications, a generation is established and confirmed in the corresponding status by grandiose Events: war, revolution, depression. The focus of attention is on something novel that the new generation intends to introduce into the world order and attitude, something from which it decisively dissociates itself and does not accept.

All three refereed books contain two important accounts of people in the 19th and 20th centuries (or the authors who tell about these people?). First of all, they see the future as amenable to their energetic efforts, plastic. Or, to put it another way, our projects are realizable, social constraints are surmountable, and circumstances can well be constructed according to attractive value configurations and ethical parameters. But as they grow up, the transition to middle and old age in the context of grandiose Events and after them, the individual's and group's (generation's) significance of the future is irresistibly diminishing, and the ideals and expectations of youth often remain in the sphere of the possible, encouraging the conversation about the «lost generation».

Keywords: *generation, event, life course, millennials, history, biography*